

Ш.

Характерно, что во всѣхъ многочисленныхъ богословскихъ и философскихъ произведеніяхъ Толстого, также какъ и въ его произведеніяхъ художественныхъ, мы не встрѣчаемся ни разу съ попыткой возсоздать воображаемый обликъ учителя, ученіе котораго мыслитель признавалъ единственнымъ, выражающимъ полно истину, и за которымъ призналъ значеніе божественное. Даже въ своемъ «Евангелии» Толстой ограничился комментированіемъ сравнительнаго разсмотрѣнія нѣсколькихъ текстовъ писанія, и стараніемъ приблизиться въ изложеніи Евангельской исторіи къ правдоподобности и внѣшнему реализму.

То, что было въ высшей степени свойственно Достоевскому, отъ юности устремлявшаго свое воображеніе къ созданію тихаго и неотразимаго облика Христа, то автору «Христіанскаго ученія» было на первый взглядъ какъ бы совсѣмъ чуждо.

Но въ то же время, не только произведенія послѣднихъ лѣтъ, проникнутыя въ опредѣленной степени проповѣдью и поученіемъ Христа, но даже всѣ крупныя художественныя произведенія Толстого въ сердцевинѣ своей имѣютъ нѣчто отъ Христова ученія. Отъ ранней